

СЕРГЕЙ БАТАЛОВ:

Если честно, то все у меня хорошо

- Сергей, вы сейчас достаточно известный в Москве актер. Сыгранные интересные роли в театре, удачно складываются отношения с кинематографом. А с чего все началось?

— Я родился в городе Ирбит на Урале. В четыре года меня родители впервые повели в театр на сказку "Конек-Горбунок". Я запомнил это событие раз и навсегда — это было волшебство. Городской театр — старинный, в нем гастролировали еще французские труппы. В Ирбите были знаменитые ярмарки, поэтому был построен очень хороший театр. Городок-то маленький: всего 50 тысяч жителей, но театр был. Правда, работал он только тогда, когда проходили ярмарки.

И вот загорелся я театром, когда мне было четыре года (сейчас мне уже 38). В пять лет убежал на вечерние спектакли, а родители, хоть мне доверяли и знали, где я, все равно беспокоились. Но я был уже "болен". Родители мои отношения не имели к театру, они — педагоги. Они не думали, что я всерьез этим увлечен. После школы поступил отнюдь не в театральное училище, а в авиационное, и окончил его.

Специальность у меня — технолог самолетостроения. Но жизнь повернулась по-иному... Мы тогда уже жили в Омске, и оттуда я поехал с друзьями, которые хотели стать актерами, в Москву. Я все не собирался сдавать экзамены, просто хотел увидеть столицу. Но случилось так, что их не приняли, а я поступил. Тысячи случаев таких. Я окончил ГИТИС у Владимира Алексеевича Андреева.

Вообще у меня многое случайно в жизни происходило. Может быть, это закономерность. После окончания института я попал в армию, в ансамбль песни и пляски, — тоже случайно. Это было очень смешно: на прослушивании все читали военно-патриотические стихи — человек 40, все артистами хотели служить. А я не знал, что надо военно-патриотические, у меня не было таких стихов в репертуаре. И когда дошла очередь до меня (я был последним), понял, что читать не буду, а потихоньку уйду. И вдруг мне говорят: "А вы?". Я говорю: "Я не знаю...". Начальник ансамбля говорит: "Я устал от военно-патриотического, вы что-нибудь смешное можете?". Я говорю: "Ну, например, монолог Хлестакова знаю". — "Читай". Я прочитал. Он говорит: "Все свободно, а вы останьтесь". Так я попал в ансамбль песни и пляски ведущим. А после службы приехал в Ригу, у меня там очень много друзей. Тогда Театром русской драмы там руководил Кац. Он взял меня к себе. Я зашел перед отъездом из Москвы попрощаться в гости к Кате Дуровой — моей однокурснице. Сидим, болтаем, кофе пьем. Тут вбегает в комнату ее отец — Лев Константинович Дуров и говорит: "Что ты делаешь?" — "Как что? Еду в Ригу". — "А сейчас-то что делаешь?". — "Пью кофе". — "Нет, вечером что делаешь?". — "В общем-то ничего". — "У нас ушел артист. Предлагаю срочный ввод. Одна из главных ролей". — "Как, вот так сразу?". — "Да". И меня вводят, и я играю. И остаюсь в Театре на Малой Бронной. А потом произошла встреча с режиссером Сергеем Женовачем в студии "Человек". Я ушел с Малой Бронной и оказался в команде Женовача. А когда его пригласили на Малую Бронную, то мне пришлось опять вернуться туда.

- А в кино?

— А в кино первый съемочный день прошел с Никитой Михалковым. Я еще студентом был, когда снимался "Обломов". У меня там маленький эпизодик, какой-то Никитка-повар. И какая же хорошая атмосфера у Михалкова на площадке! Он очень любит артистов, и как-то все было замечательно. Первый мой съемочный день: я разжигая самовар в усадьбе, камера должна была наезжать на меня... И вдруг дым от самовара пошел не в ту сторону, он полностью закрыл усадьбу. Наш оператор Павел Тимофеевич Лебешев говорит: "Убрать самовар". И я подумал: ну раз "убрать самовар", то значит, уберу и меня. А у самого от самоварного дыма слезы. Тут все видят, что у меня слезы рекой. И решили, что студент плачет. Тогда Михалков говорит: "Оставить студента". Так я оказался в фильме, и таким этот эпизод вошел в картину. Это было мое первое появление на экране. Самое интересное: те, кто видел меня в этом фильме, просто не успевали узнать — это было всего несколько секунд. Но когда вышел каталог фильмов Никиты Михалкова к его 50-летию, там была фотография именно этого эпизода. Я с него и начал сниматься у Михалкова. Но в то время я относился к кино максималистски: считал, что надо сниматься только у Феллини или у Михалкова — и никак не меньше. Меня тогда часто приглашали сниматься. Мне нравился момент проб, нравилось, что меня утверждали. А потом я придумывал телеграмму: мол, сломал ногу, не могу выехать на съемки. Так было несколько раз. Возможно, это было какое-то мальчишество. Но если все время отказываешься работать, так тебя и не очень часто зовут. И после армии я в результате оказался вне кино. И пришлось снова зарабатывать себе имя. И я рад, что Николай Досталь меня увидел, случайно опять же, и пригласил на фильм "Облако-рай". Вот с этого момента у меня началась настоящая жизнь в кино. Мне повезло, что я стал сниматься у хороших режиссеров — и у молодых, и у известных. У Димы Месхиева снялся в "Циниках", сейчас у Георгия Шенгеля снялся в комедии "Ехай!" по пьесе Нины Садур. А встреча с молодыми режиссерами очень многое значит для меня.

- А что в театре?

— В театре мы недавно выпустили спектакль по "Идиоту" Достоевского. Он идет три вечера подряд. Я играю Фердыщенко. В театре мне очень хорошо, да и в кино тоже. Я своим нынешним творческим положением доволен, но хотелось бы, конечно, достичь большего. Недавно снялся в фильме молодого режиссера Рафикова по рассказу Андрея Платонова "Третий сын". Режиссер дал мне роль открытого, доброго человека. Я таких людей называю мандаляями — это хорошее слово, это вообще-то знаменитый по Киплингу город в Бирме. Мандаляй — недотепа, чудак шукшинский... А Рафиков предложил мне сделать героя вообще без улыбки, на одной рефлексии. Он рискнул, и вроде получилось неплохо. Мне хотелось показать, что я не только остроумный актер.

- А вас на улице узнают?

— Узнают иногда, но в очень смешных ситуациях. Я снимался в телевизионном художественном фильме "Далеко-далече", его очень часто повторяли по телевидению. Картина — трогательная мелодрама. Я играл главного положительного героя. Когда прочитал сценарий, он мне не понравился: ну очень он правильный, никаких изъянов. А когда спросил, почему меня на эту роль пригласили, мне сказали, что сознательно хотели взять острохарак-

терного актера, который сгладил бы эту положительность. Он такой и получился — немного странный человек. И вот как-то стою в очереди за хлебом, передо мной мужчина, он все время почему-то поворачивается ко мне. Подумал: "К чему бы это?". Через какое-то время он говорит: "Извините, я отойду...". И приводит всю свою семью, они приехали посмотреть Москву. И мужчина говорит: "Можно с вами познакомиться? Я вас сразу узнал". Узнают и по "Облаку-рай"... Но мне больше и не надо. Мне, например, приятнее, когда товарищи по цеху уважают, критики, режиссеры. Уважают как хорошего профессионального актера, которого можно пригласить с гарантией, что он не испортит картину. Но хотелось бы, конечно, что-нибудь этакое сыграть... Как-то Георгий Шенгеля сказал на съемках: "Что тебе сейчас сыграть надо? Да для тебя надо специально писать сценарий".

- Ну и как, еще не написали?

— Увы, пока нет.

- Что вы предпочитаете в театре, в кино? Традиционную манеру игры или современные формы искусства?

— Сейчас к Станиславскому скептически относятся. Но настоящее искусство драматического актера — искусство подзабытое. Потому что иногда режиссерская форма подавляет драматическое искусство актера. И я уже в определенной форме, я уже не могу выскочить из нее. Да, я, может быть, хорошо это делаю, но все равно я не ощущаю себя художником. А Сергей Женовач дает возможность актерам быть художниками. То есть у меня полное ощущение, что это все я сам придумал. Женовач называет нас театром солистов, как в джазе, где каждый инструмент имеет право на соло. Вот он и дает нам возможность заниматься актерским искусством, и это очень хорошо. Потому что я уже не могу представить, что в театре буду с другим режиссером работать. А в кино у меня так получается, я нахожу с разными режиссерами общий язык. Правда, и режиссеры мне попадаются такие, которые не дают на меня. Ни разу не встретился с режиссером-диктатором.

- У большинства зрителей сейчас ностальгия по старым отечественным фильмам: они жизненные, душевные, трогательные, человеческие по сравнению с современными. Как вы относитесь к ним?

— Да, старые фильмы очень добрые. Когда я смотрю их, то ощущаю особую энергетику, которая идет от актера, от самого фильма. Это хорошая, добрая энергетика... И сейчас, когда в сценарии натыкаешься на доброту, на хорошее, то просто соглашаешься работать в фильме, не думая ни о чем. А когда читаешь о рэжете, чернухе, происходит отторжение. Может быть, когда пройдет время, тогда можно будет снимать и про рэкет, но сейчас берется очень поверхностный слой, поэтому приходится отказываться.

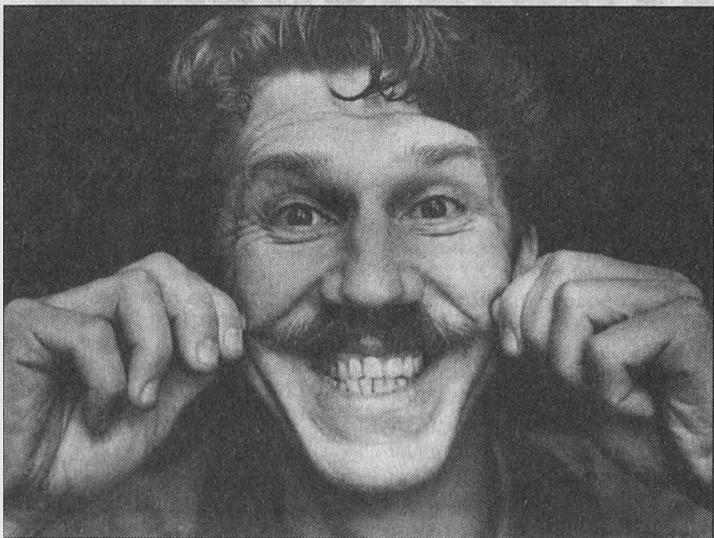
- Представьте, пожалуйста, вашу семью.

— Жена работает в Театре на Таганке реквизитором. А дочке девять лет, она увлекается музыкой, балетом. Театр любит, но артисткой быть не собирается, хочет стать или режиссером, или дирижером. Потому что когда бывала на репетициях на Таганке, сидела рядом с Любимовым и видела, как режиссер командует актерами. Ей это понравилось.

Конечно, хотелось бы быть все время в работе, потому что ничего важнее, кроме театра, кино и семьи, для меня в общем-то и нет. И в семье у меня все хорошо, и в театре... Есть, конечно, какие-то проблемы, но жаловаться надоело. Я понимаю, что время сейчас тяжелое, но по большому счету, если честно, то у меня все хорошо.

Беседу вела
Марьяна СИДОРЕНКО

АКТЕРСКАЯ ПРОБА

В Москве, богатой на яркие актерские судьбы, Сергей Баталов не затерялся. Его сразу же узнают на киноэкране, заядлым театралам хорошо знакомо имя молодого исполнителя — счастливая встреча с одним из интереснейших режиссеров Москвы Сергеем Женовачем дала ему возможность сыграть значительные роли. Сегодня Сергей БАТАЛОВ — наш собеседник.

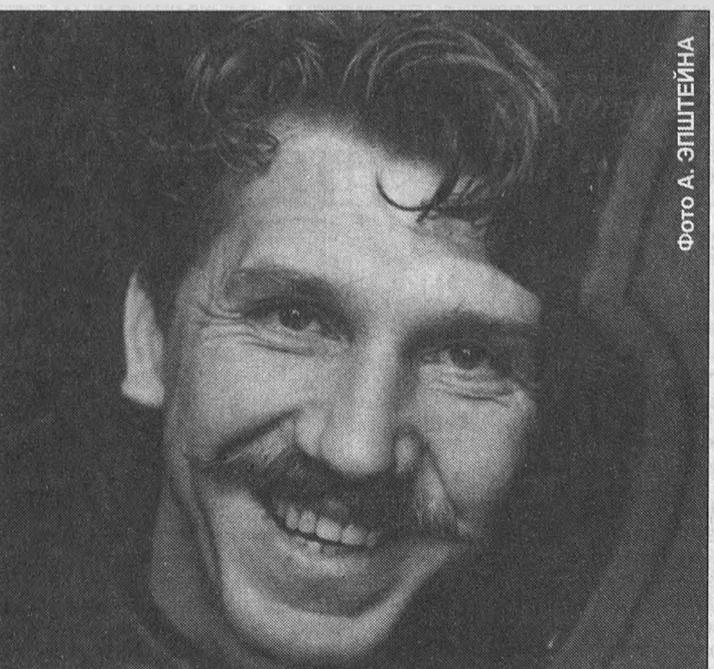
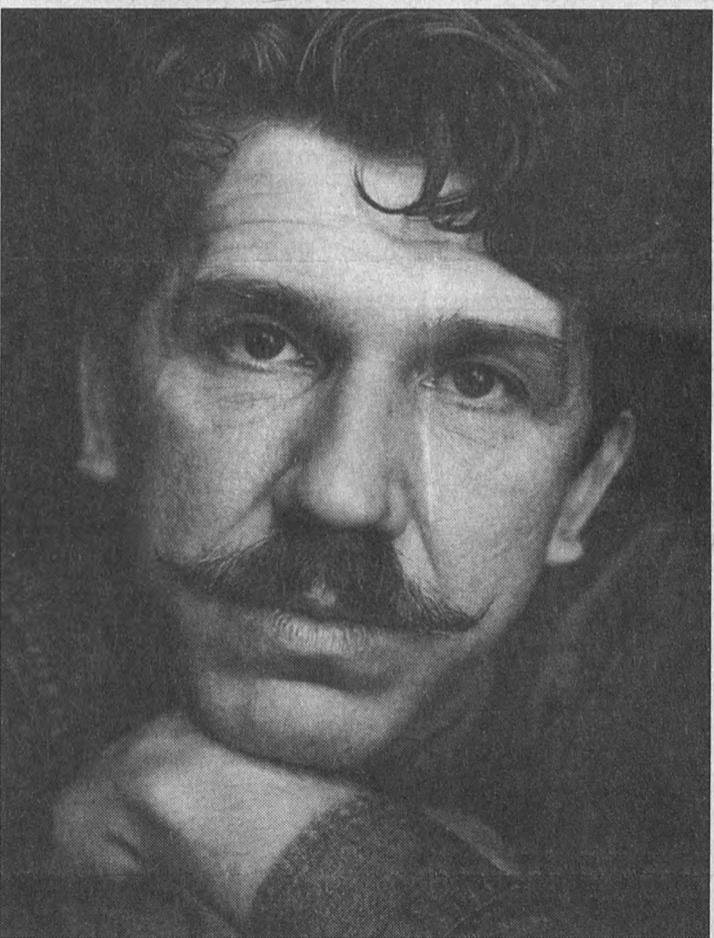

Фото А. ЭПШТЕЙНА